

СОВРЕМЕННЫЙ РОССИЙСКИЙ КАПИТАЛИЗМ: ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ И ЗАРУБЕЖНЫЕ ОЦЕНКИ*

Н. Н. Федотова

*Московский государственный институт международных отношений
Министерства иностранных дел России*

Поступила в редакцию 8 ноября 2017 г.

Аннотация: *статья посвящена отечественным и западным оценкам современного российского капитализма с 1990-х гг. по настоящее время. Показаны кризисы капитализма как экономической системы, кризис глобального капитализма и потенциальная роль потребителей в разрешении этого кризиса. Отмечается, что неудачи российского капитализма связаны с игнорированием промежуточных институтов, невыстроенностью отношений государство – общество – экономика.*

Ключевые слова: *капитализм, глобальный капитализм, капитализм в России, государство, общество, промежуточные институты, потребители.*

Abstract: *the author discusses Russian and Western evaluations of contemporary Russian capitalism from the 1990s to the present day. The author addresses crises of capitalism as an economic system and crisis of global capitalism and reveals possible role of consumers in resolving this crisis. Failures of Russian capitalism are associated with ignoring of intermediate institutions, and non-alignment of state-society-economy relations*

Key words: *national capitalism, global capitalism, capitalism in Russia, state, society, transitional institutions, consumers.*

Капитализм и его кризисы

Капитализм характеризуется как экономическая система, основанная на частной собственности, частном предпринимательстве, свободно функционирующих рынках. Капитализм критикуется практически с момента его формирования и распространения в XVII–XIX вв. как система эксплуатации по отношению к труду, ведущая к нарастанию отчуждения, направленная преимущественно на достижение прибыли и не учитывающая внеэкономических характеристик обществ и человека, входящая в кризисы и погружающая в них общества и пр.

Эта критика капитализма была в значительной мере учтена экономически успешными странами в XX в. К середине XX в. она получила развитие в формировании границ для капиталистической деятельности и перенаправления прибыли для ее функционирования в инфраструктурные, культурные, социальные, экологические, демократические и

* Статья подготовлена в рамках поддержанного РФФИ научного проекта «Социально-философский анализ современного российского капитализма» № 15–03–00580.

прочие проекты. Социолог Г. Эспинг-Андерсен показал, что возникли три модели социальных государств, отличающиеся объемом предоставляемых населению социальных благ [1]. На одном полюсе (слабое социальное государство) находятся либеральные социальные государства, к которым принято относить США. На противоположном полюсе (сильное социальное государство) – страны Скандинавии. Промежуточное положение занимают страны, имеющие средний уровень велфэра и других социальных трат, к которым относятся такие государства, как Франция и Германия.

В целом социальные государства характеризуются как государства всеобщего благосостояния. Некоторые ученые, исследуя изменения, произошедшие с капитализмом в XX в. в плане исправления его исходно «плохого» поведения, говорят о том, что понятие капитализма используется, «а сама система мертва. Меры, направленные на то, чтобы сделать усилия капитализма социально приемлемыми, изменили его до неузнаваемости». В то же время подчеркивается, что смягчающие антисоциальность капитализма усилия придется разрабатывать при любых социальных изменениях: «...каждый новый этап интеграции экономики, каждое новое изобретение, каждое новое расширение глобальных рынков создает свою новую возможность для антисоциального поведения...» [2, с. 41, 43].

До сих пор идут дискуссии, должна ли сама капиталистическая экономика ставить перед собой этические, социальные и другие ограничения или это задача государства и общества. Глобализация и открытость рынков привели к изменению отношений между экономической системой капитализма, с одной стороны, и обществом и государством – с другой. Мы уже показали, что глобализация экономики конца XX – начала XXI в. привела к бегству капитала компаний в первую очередь экономически развитых стран в оффшорные зоны, предлагающие серьезные налоговые льготы. Ведущие западные компании, например «Apple», прибегают к «корпоративному дезертирству», т. е. переводят свои прибыли, полученные на неамериканских рынках, как было еще совсем недавно, в Ирландию и другие страны с низкими налогами [3].

Осенью этого года были обнародованы утечки об оффшорах, полученные журналистами газеты «Süddeutsche Zeitung» [4]. После того как Ирландия перестала предоставлять налоговые преференции, «Apple», на словах ратуя за честный бизнес, перенесла свои активы на оффшорный остров Джерси. В связи с этим главный редактор вышеупомянутой немецкой газеты написал письмо генеральному директору «Apple» (не будучи с ним лично знакомым), в котором обвинил ее в уходе от налогов: «В “Apple” работают тысячи превосходных, высококвалифицированных инженеров, технических специалистов, юристов, менеджеров и пиарщиков, которые учились в колледжах и университетах по всему миру. Многие из этих заведений полностью или частично финансируются за счет денег налогоплательщиков. “Apple” получает выгоду от системы образования, которая поддерживается государствами. Господин Кук, недавно

вы говорили “The New York Times”, что у “Apple” есть “моральная ответственность”: компания должна помогать расти не только американской экономике, но и вкладываться в другие страны, где ведет бизнес. Конечно, мы знаем, что “Apple” – один из самых крупных налогоплательщиков в США, но что по поводу других стран?». За последние семь лет две трети своих многомиллиардных доходов «Apple» получала за пределами США, однако они были обложены налогом от 1 до 7 %. Например, Германии «Apple» заплатила только 25 млн евро налогов, заработав на ее рынке миллиарды долларов [там же].

Глобальный капитализм вряд ли может сам ставить перед собой задачу этической и социальной ответственности в качестве приоритетной, будучи в наибольшей степени устремленным к прибыли (как это было и ранее в рамках национального капитализма). Он может это делать, когда он будет поставлен в правовые и социокультурные рамки, требующие избегания одних решений и принятия других. На наш взгляд, можно выделить две группы «игроков», способных внести позитивные изменения в описанную выше ситуацию.

В первую очередь следует назвать потерявшие власть над капиталом в эпоху глобального капитализма национальные государства. Беспомощность, с которой страны взирают на бегство капитала, может быть преодолена пониманием того, что глобализация и неолиберальная экономика были продуктом государственных решений, отказа государств от участия в экономической деятельности. Многие западные страны пошли на это ради повышения экономической эффективности. И сегодня, когда капитализм стал глобальным, государства, объединив усилия, вполне могли бы установить правила игры на глобальных рынках, закрыть оффшорные зоны, выровняв, тем самым, правила игры и уменьшив новое глобальное неравенство. Это позволит государствам оставаться социально ориентированными, так как заново наполнит их бюджеты, что в свою очередь уменьшит новое избыточное и несправедливое социальное неравенство, возникшее в условиях глобальной экономики внутри самих стран.

Кроме того, глобальный капитализм в не меньшей мере, чем национальный, зависит от индивидуальных потребителей. Именно они принимают решения о том, что покупать. Конечно, у корпораций – чемпионов глобального рынка – больше возможностей разработать лучшие маркетинговые стратегии и убедить покупать их продукт, даже при худшем, чем у конкурентов, качестве. Однако потребители могут выступить глобальным фактором призыва корпораций к ответственности с лозунгом «Мы покупаем ваши продукты и услуги, а вы платите налоги в нашей стране, заботьтесь о ее экологии и пр.». При таком подходе общество потребления, недостатки которого заслужили в свой адрес столько критики со стороны философов, социологов, культурологов и других представителей социальных наук, может приобрести неожиданную, но исключительно социально значимую миссию. Миссия, которая, в свою очередь, потенциально приведет к смягчению недостатков общества, наполнит его существование недостающим социокультурным содержанием

ем. Глобальное потребительское общество может стать фактором, сдерживающим избыточные аппетиты бизнеса. В таком случае можно будет говорить о становлении в глобальном масштабе гражданского общества из потребительского общества. Оно будет способно в определенной мере противостоять уже не столько власти «Левиафана», т. е. государства, в попытке поставить которое под контроль и возникало гражданское общество в разных странах. Глобальное гражданское общество в первую очередь могло бы поставить под контроль власть глобального капитала.

Российский капитализм: особенности функционирования

Россия прошла тысячелетнюю историю, средневековая часть которой была продолжена в Новое время в форме феодального государства, по-прежнему управляемого царями. Но в XIX в. здесь стали зарождаться капиталистические формы хозяйства, приведшие к индустриализации, научным достижениям при сохранении царского режима управления, которое в начале XX в. сочеталось с Государственной Думой. Революция 1905 г., затем участие в Первой мировой войне привели Россию сначала к буржуазной, а потом и к социалистической революции в 1917 г. Буржуазная революция потерпела поражение, так как страна находилась в войне с Германией, голодала, нищенствовала. Революция 1917 г. оборвала капиталистический путь развития России, которая, пройдя через недолгий период НЭПа, на долгие годы отказалась от рыночной экономики, участвуя в социалистическом проекте.

В конце 1980-х – начале 1990-х гг. коллапс плановой экономики позднего советского периода потребовал изменений. В качестве нового ориентира реформаторами была взята рыночная экономика в ее неоллиберальной версии. Именно она господствовала в это время в США и Великобритании и привела к определенным успехам в плане повышения эффективности их экономик, роста ВВП. Поскольку инициаторы российских реформ больше всего хотели сделать Россию похожей на Запад в версии США и Британии, не удивительно, что был выбран именно неоллиберализм. Идеология неоллиберализма предполагала уход государства из экономики, что и стало одной из главных повесток дня реформирования. Это было ошибкой, непониманием государствоцентричности России на всех предыдущих исторических периодах. Однако уход государства в нашей стране произошел не только из экономики, но и из всех остальных сфер общества, в которых государство традиционно играло большую роль – образования, здравоохранения, культуры, трудовых отношений и пр. Это не замедлило сказаться на еще большем ухудшении качества жизни населения.

Спецификой российской ситуации являются исторически сложные отношения между государством и обществом и государством и экономикой. В России как уход государства из экономики в 1990-е гг., так и его триумфальное возвращение в экономику, начиная с середины 2000-х гг., вызывают серьезные проблемы.

1990-е стали тяжелым временем обогащения одних и крушения иллюзий других. Для перехода к капитализму России 1990-х гг. не было осуществлено надлежащей подготовки. Российский экономист Г. А. Явлинский, характеризуя десятилетие реформ 1990-х гг., пишет, что не были созданы условия для эффективной внутри- и межотраслевой конкуренции; не был сформирован механизм накопления капитала у эффективных фирм; не был создан необходимый набор стимулов для эффективного производительного использования ресурсов; не была выстроена система прозрачных и соблюдаемых всеми основными участниками правил экономической игры [5, с. 83]. По его мнению, «большой ущерб нанесло игнорирование факта встроенного в советскую экономическую систему монополизма. Провозглашенный так называемым правительством реформ и его добровольными помощниками из международных финансовых организаций рецепт “либерализация плюс приватизация в рекордно короткие сроки” на деле означал приватизацию и освобождение от контроля фактических монополий... вместо либерализации рыночной экономической активности произошла либерализация приватизированных монополий. Частная собственность без конкуренции – явление экономически и политически еще более вредное, чем государственная. Это просто замена государственного волюнтаризма на частный произвол, который снижает степень эффективности хозяйственной системы как на микро-, так и на макроуровне» [там же, с. 86].

Российский капитализм 1990-х гг. часто критикуется как «плохой пример хищнического капитализма» [6], олигархический. Американский исследователь Т. Густафсон показывает две стороны драмы России: позитивную, к которой он относит энергию, предпринимательскую креативность, сформированные движением в сторону капитализма, и негативную, сопровождающую процесс перехода к капитализму, – коррупция, преступность, нестабильность, неадекватность институтов. В целом он называет российский капитализм плохо испорченным квазирынком – «ничейной землей» между социализмом и капитализмом [7]. Другой американский исследователь М. Брунер говорит об «укрощении дикого капитализма» [8]. Это известные и часто применяемые в России метафоры для характеристики десятилетия реформ 1990-х гг. М. Ходорковский, в интервью, данном им в 2017 г., описывает ошибки российского правительства в 1990-е и говорит, что сумел ими воспользоваться. Корреспондент задает ему вопрос, не жалеет ли он, что так вышло. Ответ Ходорковского: «И да, и нет. Мы разрушили веру людей в справедливость рынка» [9]. Негативная оценка перехода к капитализму в 1990-е гг. превалирует в восприятии капитализма сегодня.

В середине 2000-х гг. Явлинский называл российский капитализм «периферийным», отражая в этом названии отсутствие в России сформированного гражданского общества и присущих ему институтов, а также «отсутствие самодостаточности и внутренне встроенных механизмов роста в нашем национальном хозяйстве, высокую зависимость экономики и бизнеса в России от ядра современного капитализма – экономики

развитой части мира» [5, с. 94–95]. Примечательно, что характеристика, данная Явлинским, охватывает не только экономическую сферу, но и более широкую область правовых и социальных отношений, включающих отношения государства и гражданского общества. Относительно того, что же построено в России в экономическом плане к этому времени, он говорит, что «некий комбинированный вариант, когда наличие отношений конкуренции сочетается с довольно плотной зависимостью от административной власти. Без определенного патронажа со стороны этой власти присутствие и тем более расширение своей активности на рынке, по сути, становятся невозможными. В то же время административный фактор в бизнесе не всемогущ, а монополия почти никогда не является всеобъемлющей. Соответственно, активно пользуясь “административным ресурсом”, бизнес вынужден в то же время заботиться о своей конкурентоспособности, думать об издержках, стратегии реализации...» [там же, с. 95]. К 2015 г., как мы покажем ниже, произошло усиление монополистических тенденций.

Британский исследователь Д. Лэйн в середине первого десятилетия XX в. рассмотрел разные варианты капитализма среди бывших социалистических стран. Общей характеристикой, по его мнению, стало то, что капитализм был спущен на них «сверху», а не созрел естественнo-историческим путем. Он выделяет три группы стран в зависимости от их успеха на этом пути. Россия отнесена им ко второму кластеру стран, т. е. является страной средней успешности. Для таких стран характерен гибридный государственный/рыночный нескоординированный капитализм. К его признакам автором отнесены: высокие различия в доходах населения и высокий уровень бедности и безработицы; низкая интеграция в мировую экономику; низкий уровень внутреннего потребления, низкие инвестиции (за исключением энергетического сектора); недостаточность психологических, политических и социальных предпосылок, необходимых для продвижения современного капитализма. Начальный период приватизации привел в этих странах к ослаблению государства и «хаотическому капитализму». Опора на государство, делает осторожный вывод Лэйн, является, возможно, единственным способом для развития капитализма в этой группе стран, куда он причисляет Россию [10].

Начиная с середины 2000-х гг. фиксируется усиление роли государства в экономике. Российский капитализм как переходная экономика, по мнению американских исследователей С. Паффера и Д. Маккарти, является сетевым, соединяющим рынок, олигархов и силовиков. Эта сеть погружена во всепроникающую среду российского государства. Поэтому, в целом, его можно назвать государственно управляемым сетевым капитализмом [11]. Изменения степени участия государства в экономике в 2010-х гг. заставляют западных авторов снова задаваться вопросом о том, какой капитализм строит Россия. В одной из работ показано, что существует консенсус по поводу того, каков политический характер российского капитализма, но не по вопросу о том, какова его форма [12, с. 2].

Исследователь из США С. Маркус предлагает новую метафору для характеристики российского капитализма 2010-х гг., называя его «пираньим». Он обсуждает природу угроз собственности для бизнеса и вводит понятие «агентский захват» как ключевой признак пираньего капитализма. По его мнению, основную угрозу правам собственности создают государственные бюрократические агенты не самого высокого уровня. Захват чужого бизнеса проводится полицейскими, руководителями местных администраций, директорами государственных предприятий, представителями налоговых органов и др. [13].

Попытку пересмотреть и реконцептуализировать специфику российского капитализма сегодня предпринимают голландские исследователи У. Бекер и А. Васильева [14]. Они критически оценивают такой взгляд на российский капитализм, которому свойственно характеризовать период с начала 1990-х гг. как первоначальную либерализацию, а 2000-е гг. и более поздний период – как последующее возвращение государства. В диаду либерализм – государственничество они добавляют третий параметр – патримониализм. Патримониализм – это патрон-клиентские отношения между политическими и экономическими элитами. Правящие элиты рассматривают общество как принадлежащую им территорию, используют общественные ресурсы для личной выгоды. Патримониализм может подрвать общее благо и экономическое развитие. По мнению исследователей, именно патримониализм, как третья переменная в формуле российского капитализма, препятствовал экономическому подъему России, подрывая как либерализацию в 1990-х гг., так и возвращение государства в 2000-х гг.

А. Аслунд, шведский экономист и дипломат, не симпатизирует современной российской экономике, полагая, что ей присущи характерные черты неофеодальной модели: «максимальная свобода действий правителя, который делегирует выполнение задач феодальным лордам. В результате благодаря российским госкомпаниям имущество государства превратилось в своеобразную новую царскую собственность». Он называет это новой моделью «капитализма для своих». По его мнению, сложившаяся ситуация не может быть названа государственным капитализмом, так как обычно он связан с государственными стратегиями в сфере инвестиций и технологического развития. «И действительно, задачей российских госкорпорации считается отстаивание государственных интересов и создание общественных благ. В реальности же их менеджеры делают все, что хотят, например, они могут помогать друзьям, распределяя по своему усмотрению средства на закупки или продавая активы по ценам ниже рыночных» [15], – делает вывод Аслунд.

Известный критик современной России М. Ходорковский отмечает, что сегодня в российском капитализме преобладает либерализм в бюджетной политике, выступающий в пользу низкого уровня инфляции и низкого дефицита бюджета, что многими экспертами оценивается позитивно, и антилиберальный курс в структуре российской экономики. Эта двойственность в экономической политике приводит к повышению

управляемости экономики, росту влияния государственных концернов, что оставляет «на обочине» эффективность и инновации [9]. Ходорковский, таким образом, отрицает в целом способность государственного капитализма участвовать в инвестиционных проектах и определять технологическое развитие, оставляя это за частным предпринимательством, хотя многие эксперты полагают, что в этом может быть заключена важная роль государства.

Федеральная антимонопольная служба (ФАС) в проекте доклада о состоянии конкуренции в России за 2016 г. характеризует российский капитализм как государственно-монополистический. Это перекликается с приведенной нами выше оценкой, данной Явлинским, но сделал он ее еще в 2005 г. Присутствие государства в экономике, согласно ФАС, определяется с помощью таких индикаторов, как объем инвестиций из бюджетных средств; количество видов деятельности, цены на которые устанавливаются государством; доля экономических агентов с государственной собственностью по отношению к общему числу экономических агентов, доля поставщиков (с участием государства) для государственных и муниципальных нужд по отношению ко всем поставщикам и др. Оценки участия государства в экономике получены в результате экспертных опросов. ФАС показала, что доля государства в экономике перед кризисом 1998 г. составляла 25 %, в 2008 г. – 40–45 %, к 2013 г. – более 50 %, а в 2015 и 2016 гг. она достигает 60–70 %.

Таким образом, вклад государства и организаций с государственным участием в валовый внутренний продукт России значителен и демонстрирует тенденцию к росту. Происходит «сращивание монополий с государством и прямое огосударствление производства», при котором государство стремится к тому, чтобы регулировать всю экономическую систему страны в целом [16, с. 8–9]. В сфере государственных закупок, приводит пример ФАС, около 70 % поставщиков из 50 крупнейших заключенных контрактов за 2016 г., являются организациями с государственным участием [там же, с. 14–15]. Большая доля организаций и частных компаний с госсобственностью (в которых государство владеет более 25 % акций) отрицательно влияет на развитие конкуренции [там же, с. 9].

«Антиконкурентные соглашения, включая наиболее опасный их вид – картели, – широко распространены во всех секторах российской экономики, в том числе имеющих стратегическое значение (распределение и добыча водных биологических ресурсов, поставка медикаментов и продуктов питания)» [там же, с. 15], подчеркивает ФАС. Например, государственные закупки фармацевтического профиля составляют более 30 %. При этом деятельность картелей с целью поддержания цен на торгах по государственным закупкам медикаментов, медицинской техники и медицинским изделиям зафиксирована на территории 80 субъектов России. В числе закупаемых у участников картелей лекарств были препараты для лечения онкологических заболеваний, ВИЧ-инфицированных и больных гепатитом В и С. Результатом действия картелей является не

только ограничение конкуренции, но и существенное удорожание стоимости товаров или услуг [там же, с. 15, 22]. Сговоры с целью «передачи госконтракта в нужные руки» есть проявление коррупции.

Особенности антиконкурентных соглашений: участие в них государственных органов, организаций и должностных лиц, которые, чтобы заключить нужный им контракт или скрыть это, злоупотребляют служебным положением, берут взятки и идут на хищения. В деятельности картелей часто участвуют государственные заказчики. Картелизация имеет место в закупках в сфере гособоронзаказа, торгах по распределению государственных ресурсов и собственности, строительстве и ремонте зданий и дорог, строительстве космодрома «Восточный» и др [там же, с. 15, 18–23]. Авторы доклада считают антиконкурентную и картельную экономику угрозами национальной безопасности России.

Кроме названных выше недостатков системы, есть и другие препятствия для реализации частной предпринимательской инициативы. Как показывают исследователи, первой проблемой при организации бизнеса становится поиск инвестиций. Это нелегко, поскольку объем средств ограничен: «в то время как в Штатах ежегодно инвестируется более \$71,8 млрд, а в Европе — около \$13 млрд, в России эта сумма составляет порядка \$200 млн (все данные за 2016 г.). При этом профессиональные инвесторы из России также смотрят в сторону стартапов из США, поэтому в реальности до местных предпринимателей доходит еще меньше денег» [17].

Параллельно с развитием российского капитализма идет осмысление его возможных перспектив и имеющихся недостатков. По существу, это происходит сегодня во всем мире. Даже на Западе в большей мере, чем в России, обсуждается вопрос о социал-демократических изменениях, уводящих от форм олигархического капитализма и его либеральных вариаций.

Промежуточные институты

Трудно найти отечественных или западных исследователей современного российского капитализма, которые бы позитивно оценивали его состояние. Как мы видим, такие выводы присущи не только заведомо враждебно расположенным к России индивидам и инстанциям, но являются и констатацией государственных служб России. Такое положение дел связано во многом с тем, что в России пытались построить «идеальные» западные институты, в то время как социальные, экономические, политические и культурные предпосылки для их формирования отсутствовали. Понятие «промежуточных» институтов стало входить в дискурс представителей российской экономической науки относительно недавно. По мнению российского экономиста А. Аузана, «Само по себе построение инклюзивных (идеальных, с обратной связью. – *Н. Ф.*) институтов не обязательно приводит к положительным эффектам. Более действенными тут могут стать промежуточные институты, не идеальные с точки зрения стандарта развитых стран. Институт должен отражать не только наше

желание обустроить государство определенным образом, но и учитывать ограничения и темпы процессов». Таким образом, промежуточный институт инструментом достижения определенных целей [18] позволяет двигаться вперед. А. Аузан полагает, что это понятие было выдвинуто в 2002 г. российским экономистом В. М. Полтеровичем.

С. Гуриев, бывший ректор Российской экономической школы, находящийся сейчас в эмиграции, прослеживает немного более раннее возникновение таких идей [19]. Он показывает, что понятие «промежуточные институты» впервые было введено в 2000 г. в работе китайского экономиста И. Цянь «Институциональные основы перехода Китая к рыночной экономике». В отличие от российских реформаторов китайцы отказались от попыток сразу построить идеальные институты и предпочли сначала создать работающие переходные институты. Цянь обсуждает четыре ключевых примера промежуточных институтов: бюджетный федерализм по-китайски, муниципальные предприятия, финансовый дуализм и дуальную либерализацию. Гуриев дает подробное описание последнего примера. Любое предприятие, как сельскохозяйственное, так и промышленное, было по-прежнему обязано выполнять план, т. е. поставлять определенное количество продукции по регулируемым ценам. Вместе с тем продукцию, произведенную сверх плана, оно могло продавать по рыночным ценам. Гуриев подчеркивает, что с помощью такого промежуточного института Китаю удалось избежать развала связей предприятий, ибо плановые поставки продолжали работать, и в то же время создавать рыночные стимулы, так как каждая произведенная сверх плана единица продукции оценивалась по рыночным ценам.

Для России этот подход методологически исключительно значим, поскольку позволяет не отбрасывать старое, а использовать его при движении к новому. А. Аузан дает один из примеров того, как это можно сделать: «...медианное по сравнению с другими странами значение по индивидуализму и коллективизму – это совсем не недостаток России и не только основание для многовековых споров западников и славянофилов, но еще и возможность применения как восточных, так и западных экономических, социальных и управленческих технологий, и дополнительные опции для развития» [18]. А. Аузан является одним из авторов доклада «Социокультурные факторы инновационного развития и успешной имплементации реформ». Позиция исследователей, изложенная в нем, состоит в том, что «знание социокультурных особенностей жителей той или иной территории, учет факторов социокультурного разнообразия позволяют осуществлять “тонкую настройку” реформ, дают возможность разрабатывать нестандартные институциональные решения, предназначенные для преодоления “институциональных ловушек”, решения “проблемы колен” ...» [20, с. 13]. Конечно, промежуточные институты, как и любые другие институты, будут работать только в том случае, если четко определены правила игры. Разработка правил игры для экономической деятельности в большинстве случаев является задачей государства.

По мнению Гуриева, промежуточные институты будут работать только в случае поддержки, оказываемой им государством, которое, как продемонстрировано на примере китайского случая, «обеспечивает, во-первых, право каждого предприятия продавать сверхплановую продукцию по рыночным ценам, а во-вторых, обязательства его поставщиков поставлять плановое количество сырья по регулируемым ценам. Если не обеспечено первое правило (например, если государство забирает сверхплановую продукцию по заниженным ценам), то разрушаются рыночные стимулы. Если не обеспечено второе, то предприятие понимает, что ему надо закупать сырье на рынке (или на неформальном/бартерном рынке), и будет стараться раздобыть денег, продавая и свои плановые объемы по рыночным ценам. В этом случае дезорганизируются остатки плановой системы» [19].

Государство, общество, экономика

В России одной из главных задач становится переосмысление и установление здоровых отношений между государством, обществом и экономикой. Британский исследователь предпринимательства В. Долфсма показывает, что понятие «провала рынка» хорошо разработано. Провалы рынка связаны, например, с установлением монополии единственного поставщика товаров или услуг. Понятие же провала государства, по мнению автора, не привлекало внимания исследователей. Однако государство также может «провалиться». Ключевой обязанностью государства, по его мнению, является формулирование правил. Выступая «представителем общества», государство создает правила, которые должны регулировать поведение экономических игроков [21].

Пытаясь установить в России рыночную экономику, государство потерпело неудачи («провалы»), связанные не только с неправильно безальтернативно выбранной неолиберальной моделью, но и с неадекватными и непоследовательными правилами игры для бизнеса. М. Ходорковский, говоря о приватизации, показывает, что государством, по меньшей мере, были совершены две ошибки. Во-первых, многие промышленные гиганты были раздроблены и проданы по отдельности, хотя по отдельности они не могли выжить, что привело к «огромным потерям российской экономики». Во-вторых – попытка сделать россиян акционерами, предоставив им акции предприятий, когда только небольшое количество людей понимало ценность этих бумаг. Кроме того, в 1990-е гг. не было создано институтов, с помощью которых можно было бы торговать акциями. Даже сегодня в Германии, подчеркивает Ходорковский, многие боятся инвестиций в акции. В России же эти акции были скуплены небольшой группой людей [9].

Отношениям между государством и гражданским обществом в России еще предстоит сформироваться. Как мы уже отметили, западное гражданское общество имеет давние традиции ограничивать стремление государства к всевластию. В России не было такой длительной традиции. Уход государства из всех социально значимых сфер в 1990-е не

способствовал становлению требовательного гражданского общества, а вызвал в значительной степени серьезный общественный запрос на возвращение государства. Конечно, есть примеры работы гражданского общества – независимые институты, издательства, негосударственные организации и пр.

Ближе к концу первого десятилетия 2000-х гг. социологи из Института социологии РАН показали, что в России сложилась идеология гражданского общества, но не сложилась его практика. Как бы ни парадоксально это звучало, способствовать становлению гражданского общества в России могли бы потребительские ожидания и требования. Становление капитализма в России происходит значительно позже, чем это произошло на Западе, причем делать это приходится в отличающихся от западных стран условиях. Российский капитализм вынужден решать задачи одновременного становления как в отдельно взятой стране, так и в глобальной экономической среде.

Потребительские ожидания эволюционируют. Американский экономический историк Я. де Фрис показал, что «у ожиданий потребителя есть своя история, что ожидания эти вовсе не являются второстепенными последствиями прочих, более фундаментальных сил, как не являются они и независимыми деяниями творческого подхода человеческой личности» [22, с. 10]. Ожидания потребителей сегодня могут быть пересмотрены в сторону выдвижения этических, экологических и прочих требований по отношению к глобальному капитализму. В первую очередь это произойдет, скорее всего, с западными потребителями, которые имеют более длительную историю существования и взаимодействия с бизнес структурами.

Впоследствии эта революция потребительских ожиданий дойдет до России. В нашей стране пока слабые потребители, не ответственные, не имеющие опыта потребления и не все их потребности удовлетворены. Но, как это часто случается с импортом Россией некоторых новых социальных идей, которые имеют привлекательный характер для российского общества, для того чтобы прижиться здесь, им может потребоваться не так много времени, гораздо меньше, чем это заняло в странах, сформировавших сами эти идеи и поставивших их на службу обществу. Претензии, которые сегодня адресуются российскими потребителями в основном государству, в недалеком будущем могут получить второго референта в лице глобальных и национальных экономических агентов.

Литература

1. *Esping-Andersen G.* The Three Worlds of Welfare Capitalism / G. Esping-Andersen. – Princeton : Princeton University Press ; Cambridge : Polity Press, 1990. – 248 p.
2. *Coates J. F.* Communism is dead. Now let's bury capitalism / J. F. Coates // *Technological Forecasting and Social Change.* – 2016. – Vol. 113. – Part A. – P. 41–43.

3. Федотова Н. Н. Национальные государства и капитализм в условиях глобализации / Н. Н. Федотова // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Серия: Философия. – 2016. – № 4. – С. 81–95.

4. «Apple не так чиста, как хочет казаться». Главред Süddeutsche Zeitung написал письмо Тиму Куку о том, как Apple уходит от налогов. – Режим доступа: <https://meduza.io/feature/2017/11/09/apple-ne-tak-chista-kak-hochet-kazatsya>

5. Явлинский Г. А. Реформы 1990-х и экономическая система современной России : генезис «периферийного капитализма» / Г. А. Явлинский // Экономический журнал ВШЭ. – 2005. – Т. 9, № 1. – С. 82–96.

6. Hedlund S. Russia's Market Economy : A Bad Case of Predatory Capitalism / S. Hedlund. – L. : UCL Press, 1999. – 404 p.

7. Gustafson T. Capitalism Russian-Style / T. Gustafson. – Cambridge : Cambridge University Press, 1999. – 263 p.

8. Bruner M. L. Taming 'wild' capitalism / M. L. Bruner // Discourse & Society. – 2002. – Vol. 13 (2). – P. 167–184.

9. Биддер Б. Ходорковский о Путине и американских санкциях / Б. Биддер. – Режим доступа: <http://inosmi.ru/politic/20170815/240040633.html>

10. Lane D. Emerging Varieties of Capitalism in Former State Socialist Societies / D. Lane // Competition & Change. – 2005. – Vol. 9. – Issue 3. – P. 227–247.

11. Puffer S. M. Can Russia's state-managed, network capitalism be competitive? Institutional pull versus institutional push / S. M. Puffer, D. J. McCarthy // Journal of World Business. – 2007. – Vol. 42. – Issue 1. – P. 1–13.

12. The political economy of Russia / ed. by N. Robinson. – Lanham, N. Y. : Rowman & Littlefield, 2013. – 240 p.

13. Markus S. Property, Predation, and Protection. Piranha Capitalism in Russia and Ukraine / S. Markus. – N. Y. : Cambridge University Press, 2015. – 239 p.

14. Becker U. Russia's political economy re-conceptualized: A changing hybrid of liberalism, statism and patrimonialism / U. Becker, A. Vasileva // Journal of Eurasian Studies. – 2017. – № 8. – P. 83–96.

15. Аслунд А. Неофеодальный капитализм России / А. Аслунд. – Режим доступа: <http://inosmi.ru/politic/20170428/239240254.html>

16. Федеральная антимонопольная служба. Доклад о состоянии конкуренции в Российской Федерации за 2016 год (Проект). 14.04.2017. – Режим доступа: <https://fas.gov.ru>

17. Першиков А. Бои без правил. Почему российские стартапы прогорают / А. Першиков. – Режим доступа: <http://www.forbes.ru/karera-i-svooy-biznes/354037-boi-bez-pravil-pochemu-rossiyskie-startapy-progorayut>

18. Аузан А. Промежуточные институты. Почему в России нельзя построить всё сразу / А. Аузан. – Режим доступа: <http://carnegie.ru/commentary/73216>

19. Социокультурные факторы инновационного развития и успешной имплементации реформ. – Режим доступа: <http://csr.ru/wp-content/uploads/2017/09/Report-SF.pdf>

20. *Гуриев С.* Промежуточные институты. Каковы условия и риски их работы / С. Гуриев. – Режим доступа: <http://worldcrisis.ru/crisis/2860122>

21. *Долфсма В.* Провалы государства : общество, рынки и правила / В. Долфсма. – М. : Изд-во Ин-та Гайдара, 2017. – 256 с.

22. *Фрис Я. де.* Революция трудолюбия : потребительское поведение и экономика домохозяйств с 1650 года до наших дней / Я. де. Фрис. – М. : ДЕЛЮ, 2016. – 462 с.

Московский государственный институт международных отношений Министерства иностранных дел России

Федотова Н. Н., доктор социологических наук, профессор кафедры социологии

E-mail: nnfedotova@rambler.ru

Тел.: 8(495) 434-94-26

Moscow State Institute of International Relations (MGIMO-University)

Fedotova N. N., Doctor of Sociology, Professor of the Sociology Department

E-mail: nnfedotova@rambler.ru

Tel.: 8(495) 434-94-26